

Татьяна Игнатова

Безумству храбрых поем мы песню?

Статья впервые опубликована в журнале "Аналитическая психология: теория и практика", №1 (4), 2023г. Защищена авторским правом.

Ключевые слова: тень, Самость, архетип, героический комплекс, культурное бессознательное.

Аннотация: В данной статье я исследую проблему безумия и его связь с героическим комплексом, сформировавшимся с учетом социально-культурных, экономических и политических факторов жизни в СССР. Я уделяю внимание культурному бессознательному, которое влияет не только на психическое благополучие индивида, но и здоровье общества, нации в целом. Для иллюстрации своих размышлений я обращаюсь и к своему личному материалу, и к своей аналитической практике работы с пациентами, приводя в примеры виньетки из сессий, бессознательный материал.

Получено согласие пациентки на использование ее сновидений для иллюстрации моих теоретических размышлений и публикации статьи. Я благодарна ей за это и нашу совместную аналитическую работу, позволяющей познавать себя и мир глубже.

«Безумству храбрых поем мы славу!».

Безумство храбрых – вот мудрость жизни!

О смелый Сокол!...

Пускай ты умер!.. Но в песне смелых и сильным духом

всегда ты будешь живым примером,

призывом гордым к свободе, к свету!

Безумству храбрых поем мы песню..!»

М. Горький. Песнь о Соколе [1]

Вынося в заглавие своей статьи строки из «Песни о Соколе» М. Горького, я хотела, таким образом, поэтично охарактеризовать эпоху советского и постсоветского

времени, приносящего в жизнь людей торжество героического, дух романтики, ценность коллективного разума как гаранта безопасности в обществе. С другой стороны, как ребенок советской эпохи, чьи подростковые годы пришлись на период перестройки, а вступление в юность ознаменовалось августовским переворотом 1991г., сейчас я обнаруживаю в этом героическом и романтическом порыве больше сомнения. Действительно ли и в какой мере он был необходим и была ли альтернатива героическому? Я чувствую печаль, поскольку негероическому и необыкновенному, но возможно не менее ценному, естественному, не нашлось места в культуре. Мне грустно осознавать, что мне, моей семье и моей стране пришлось иметь дело с половиной, нецельностью, раздробленностью целостности жизни на части, и я надеюсь, что эти чувства послужат хорошим посылом для размышления, как может быть иначе – целостно - в человеке, семье, культуре. Мне близок взгляд античных философов и гуманистов эпохи Возрождения, воспринимающих человека во всей его полноте, в гармоничном единстве духовного и телесного, мне отрадно было осознавать в юности, что идеи гуманизма были тонко восприняты и развиты К. Г. Юнгом в аналитической психологии. Отличительной особенностью подхода Юнга от других психотерапевтических школ и теоретических направлений является его взгляд на безумие как на прорыв. Юнг говорил, что для некоторых психотиков безумие может стать психологическим откровением, знанием о себе, о мире [7]. В «Красной книге» он пишет: «Если ты достиг свободы через страдание своего духа в принятии другого, несмотря на сильнейшую убежденность в одном, ибо и другое в тебе, начинается рост...Если сила роста заканчивается, соединенное распадается на противоположности... для роста нужно и то и другое, и потому держим доброе и злое рядом [8,261] ». Н. Шварц-Салант развивает мысль Юнга и подчеркивает ценность нерационального содержания для психики: «Личность трансформируется благодаря переживанию хаотических состояний ума. Новые формы порядка, возникающие, например, из архетипически-духовного переживания, воплощаются только через переживания хаоса, или беспорядка [6,с.43]». И в этом смысле аналитическая психология имеет дело не с моделью лечения, призванной «подшаманить» или «излечить» то, что с точки зрения его выглядит «ненормальным», но с развитием и ростом, зависящими не только от крепости эго, но и от его пластичности - способности учитывать бессознательное, которое в большей степени влияет на личность, и быть проводником его смыслов, выполнять медиальную функцию между сознанием и бессознательным, наполняя личность новым содержанием и способствуя его интеграции в жизни.

В этой статье я хочу посмотреть на безумие с точки зрения советского героического комплекса, столь долго бытовавшего в культуре, чьи следы я обнаруживаю и сейчас в практике работы с пациентами, рожденными в постсоветское время, в начале 90-х годов. Мне хочется размышлять о нем, иллюстрируя его материалом бессознательного, например, сновидениями пациентов; мне хочется размышлять о нем и сквозь призму терапевтических отношений с пациентом и техники анализа. Как он проявляет себя в кабинете аналитика в моем собственном опыте аналитической практики.

Юнг рассматривал психоз как движение к коллективному бессознательному, от которого «нормальный» человек защищен «Эго-сознанием». Коллективное бессознательное обладает большим влиянием на психику человека, нежели его индивидуальный опыт, личное бессознательное. В героическом комплексе место персонального практически сведено к нулю, оно уходит в теньную часть личности, оставаясь бессознательным. Эго переполнено коллективными смыслами и транслирует их. Персональным является тело, его физическая данность, реальность с его фактурой, весом, наполненностью чувствами.

В работе с пациентами, подверженными влиянию героического комплекса, я наблюдаю расщепление внутреннего образа тела, распад соматического единства психе и материи. Эго пациентов можно охарактеризовать как расщепленное, не способное выполнять свою медиальную, проводниковую функцию между сознательным центром личности эго и Самостью. Действие расщепления проявляется в том, что в структуре эго-комплекса у пациента нет диалога между эго и другими структурными единицами психики, представленными архетипами персоны, тени, анимуса, между эго и архетипом Самости. Так, рассказывая о внутреннем переживании, анализант, идентифицируясь с героической частью своей личности, не видит возможности установить контакт с детской частью, с анимой/анимусом, которые могли бы внести больше творчества, спонтанности, мягкости, принятия, эмпатии, расслабления, помогая пациенту проживать жизнь более полно, объемно, ненапряженно. Другое наблюдение касается того факта, что нет диалога между персоной частью, проживающей героический сценарий, и теневой: анализант видит одну, вызывающую у него восхищение, сторону события – преодоление, достижение цели на пределе своих возможностей в короткий срок, находя в этом положительный смысл, но не может увидеть обратной, негативной стороны: в результате такого напряжения тело, не принятое во внимание со своим пределом в ограничении возможностей, страдает, испытывает боль, привнося в жизнь героя уязвимость и страх смерти как конечной данности в отсутствии способностей символизации исхода жизни, написании индивидуального сценария жизни, сводя противоположности в едином балансе восприятия объекта.

В героическом комплексе нет процесса, нет продолженности, нет символизации в силу действия расщепления, но есть ценность действия и конечность результата, как и достижение конечности жизни. Иллюстрацией советского героического комплекса здесь послужит утопическая идея, что нужно было строить коммунизм, а что за ним, как эта идея будет обнаруживать себя в жизни, в практическом ее применении – никто не знал. Важны были стахановские планы и пятилетки за три года, приближающие к коммунизму. Но у кого спросить, какой он, коммунизм, как узнать, что он уже наступил? Абсолютно было невозможно. У всех была своя идея о коммунизме, заставляющего октябренька, пионера, комсомольца, члена партии идти выше, вперед, и быстрее, но что будет после того, как наступит коммунизм, кто же знал? Этот пример наглядно иллюстрирует то, как в героическом комплексе становятся важными идея, дух, абстрактное содержание и недооценка вещественного, материально

воплощенного смысла в конкретных формах реальной жизни. В практике анализа утопичность и безумие проявляется в том, что аналитик может быть соблазнен потребностью героического для пациента, проецирующим на аналитика желание быстро пройти, победить, проскочить, преодолеть неудобство, служить абстрактной идее, воплощенной в научной терминологии, профессиональной лексике, которая не понятна, да и не нужна пациенту. Также аналитик может не учитывать состояние, желание, потребности, чувство пациента, отрицая саму возможность обнаружить его реальным, как и реальность отношений с ним. Ведь реальность учитывает некий предел, ограничение – в какое конкретное время может быть реализована идея, где в жизни пациента ей может найтись место? Опыт индивидуальной супервизии часто сталкивает меня с реальностью пациента, которому нужны не абстрактные идеи, но учет его состояния и отражение его, как та символическая пища, которой он может быть напитан и удержан в реальности.

Обнаруживая воздействие героического комплекса на пациента, нередко в анализе я замечаю, как пациент может верить, что у аналитика есть «идея о спасении» в терапии, и тогда молчание аналитика и исследующие вопросы к пациенту могут восприниматься им с тревогой, недоверием, сомнением в аналитике. Пациент может злиться, фантазируя о том, что у аналитика есть ответ, как «спастись», но будто бы он из-за своей вредности, зависти, жадности не дает ответа пациенту. И, возможно, здесь пациент переживает в негативном переносе не только личную травму своих отношений с матерью, но и травму культурную, коллективную, трансгенерационную, связанную с действием героического комплекса и авторитета власти, не позволяющего «смертному» или ребенку узнавать от авторитета/родителя что-то важное о себе, получая отражение своих чувств и состояния, благодаря чему он может обнаружить в себе способность влиять на состояние и чувства другого. Обнаруживая потребность в вопросах, получая на них объективные ответы от авторитета/родителя, человек может видеть, как ответы могут рождать новые мысли и идеи; обнаруживать в себе способность соотносить их с возможностью воплотиться в реальности. И в целом, в комплексе всего этого, обнаруживать свою ценность для себя и мира. Задача анализа при работе с героическим комплексом, по моему мнению, состоит в том, чтобы очеловечить сакральное, дать ему имя, наделить своим личным смыслом «прописные истины» архетипа. Внося свое личное содержание в восприятие архетипического, созидая через фантазии, активное воображение, творческую работу личный образ желаемого, пациент смещает архетипическую реальность героического комплекса на почву реальных, земных отношений, учитывающих физические пределы, время, границы пространства, в которых могут бытовать человеческие отношения. Очеловечивание сакрального – это, по моему мнению, способность нарушить молчание Бога, открывая для пациента, как вместо «веры в Него» может быть обнаружено «знание о Нем» благодаря исследованию, собственно анализу. Тем самым пациент обнаруживает в себе способность установить отношения со своим внутренним Богом в душе, пронизанные конкретными чувствами и состоянием человека, с личной мерой откровения о нем, глубиной контакта и регулярностью связи с очеловеченным божественным. Именно в таком случае, я думаю, не останется места

для проекции архетипического содержания на аналитика, и молчание аналитика может быть воспринято не как отвержение, пренебрежение авторитета/родителя, но как доверие внутренней мудрости пациента и тем ответам, которые есть у него внутри из опыта отношений со своим Богом внутри.

Нарушить молчание Бога в анализе – это значит потрясти авторитет аналитика/родителя/гуру/поводыря/целителя, проявляя свое неудобство, заявляя о своих потребностях, обозначая свое видение и точку зрения, снимая с аналитика, таким образом, архетипические проекции всеведающего и возвращая себе свой голос. Это значит дать имя состоянию, чему-то неназываемому, возможно, по причине интенсивных чувств, глубокой травмы. И это отсылает меня к важности влияния на развитие архетипа матери и материнской заботы, позволяющей со временем нарушить молчание, табу. Это ни в коей мере не противоречит мнению Юнга, что Самость непознаваема, и есть то, что никогда не может быть названным, поскольку это выше возможностей эго, которое всегда ограничено в познании. Но нарушить молчание, по моему, является хорошей попыткой дать много имен одному явлению, расширяя, таким образом, его многомерность и способствовать появлению символа, вмещающего в себя всю многомерность, а потому и бесконечность, и непознаваемость до конца.

Говоря о безумии с точки зрения качества эго, не способного проводить различие между разными чувствами, состояниями, отрезками времени, опыта, обнаруживать разное качество отношений друг с другом и их влияние на жизнь человека, я думаю, что героический комплекс здесь проявляется в том, что герою нет дела до реальности другого, он выстраивает отношения с самим собой. Я могу говорить здесь о нарциссической ране и нарциссическом выборе объекта для отношений вследствие базового недостатка отраженности матерью. Отношения пациента, наделенным героическим комплексом, замыкаются на самом себе, он выбирает людей, зеркалящих его героический комплекс и раны. И в этом смысле развитие остановлено, нет наблюдающей функции эго, способного принимать новое и различное, интегрировать в себя иное содержание, отличное от имеющегося. В советском героическом комплексе только герой «в песне смелых и сильным духом» всегда является «живым примером, призывом гордым к свободе, к свету!», и никто больше.

В анализе героический комплекс пациента и нарциссический выбор объекта может проявляться в состоянии мистического соучастия и действии примитивных самостных защит – проективной идентификации, когда аналитик будто вынужден похвалить пациента за работу, которой тот объективно не совершил, как если бы аналитик и пациент становятся друг другу зеркалами, отражая «прекрасный внешний вид» друг друга, «мудрые идеи», которые на самом деле банальные, «острые шутки», которые по факту плоские. Это заигрывание с пустотой, лишённое какого бы то ни было значения для анализа, – как отражение внутренней пустоты пациента и, быть может, и аналитика, я не исключаю этой возможности, к сожалению.

Мы можем говорить о безумии в анализе, когда аналитик подвергается мощнейшему воздействию контрпереносных чувств, вызываемых пациентом, и не в состоянии

отличить свои личные переживания от переживаний пациента. При наличии мистического соучастия невозможно придать смысл происходящему, говорить о символическом понимании, ибо для этого важно различие, дистанция между субъектом и объектом. В «Комментарии к “Тайне Золотого цветка”» Юнг явно указывает на то, что цель сознания и аналитического процесса – это умение избавиться или уменьшить склонность к состоянию мистического соучастия через понимание бессознательного; тогда оно больше не проецируется, и мы освобождаемся от его господства [9]. С другой стороны, благодаря мистическому соучастию аналитик может быть в контакте с довербальными переживаниями анализандов, находясь рядом и воспринимая немислимые, невербализованные, сырые чувства. Являясь вместительным чувств, проявляя эмпатию и свои личные качества, аналитик позволяет пережить пациенту тот эмпатичный эмоциональный опыт связи, который, в силу травматической реальности, анализанд не смог пережить в свое время. Размышляя о героическом комплексе, я думаю, что аналитику важно признать его действие лишь как временную защиту *психики* от травматических переживаний, но при этом аналитику важно видеть и делать доступным для пациента наблюдение за тем, где в жизни пациента эта защита стала неадаптивной (как если бы на какое-то событие нетравматического генеза пациент реагирует травматическим образом из героического комплекса).

Говоря о безумии, Юнг также размышляет о том, что член семьи может «нести» психологические конфликты за других членов семьи. Семья, с точки зрения коллективного советского героического комплекса, являлась ячейкой общества, носителем общепринятых, культурных смыслов. В таком обществе выражение индивидуального и личного смысла объявлялось диссидентством, попыткой разрушить общественную мораль. Люди одинокие, разведенные, холостяки, не стремящиеся к семейной жизни были подозрительны, ненадежны, от них неизвестно что можно было ожидать. Таким образом, они, становясь носителями коллективной тени, отражая проецирующему его страх быть со своим мнением, возможно, противоположным коллективному, брать персональную ответственность за свои чувства, состояние, выбор.

Юнг говорит и о другом примере психопатологии, называемом им *Puer aeternus*, вечное дитя, которому трудно расти, брать ответственность за свои чувства, мнение, выборы, действия [10],[12]. Можно рассмотреть советский героический комплекс как пребывание индивида в инфантильном состоянии, когда на общество мощно проецируется родительская, авторитетная (авторитарная и тоталитарная) позиция, при которой любое действие индивида должно мотивироваться одобрением «родителя», должен сохраняться его авторитарный статус как единственного носителя смыслов в ущерб личному смыслу и его ценности. При авторитарном комплексе ребенку невозможно повзрослеть и нести свою персональную ответственность. Дитя пребывает в раю симбиоза, где родитель принимает решение, освобождая ребенка от напряжения при встрече с новым и преодоления тревоги выбора, которая в норме является двигателем развития и «точкой роста». Фон Франц развивает идею Юнга и

добавляет важный аспект, благодаря которому комплекс «вечного дитя» может быть осознан – это необходимость укрепления эго-сознания [4].

В терапевтических отношениях пациента и аналитика, подверженных влиянию героического комплекса, эго аналитика и пациента могут быть соблазнены мощной идеей волевого «преодоления во что бы то ни стало» тех аспектов жизни и личности, которые мешают жить пациенту. И напротив, внимание к эмоционально-чувственной сфере, атмосфере и качеству связи пациента и аналитика, учет времени и физических ограничений, также влияющих на состояние пациента, могут игнорироваться эго пациента, обесцениваться, а процедура анализа восприниматься как скучная, не интересная, не возвышенная, лишенная героизма борьбы, не значимая. Признание важности работы в анализе с этим аспектом, воплощающим телесную, реальную данность терапевтической пары, во многом будет способствовать тому, чтобы «вечное дитя» смогло жить в настоящем, за пределами напряженной борьбы, следуя не только идее, духу, но и учитывая свою реальность, в которой может быть комфорт, расслабление, удовольствие, приводящие к формированию нового состояния, способствующие развитию персонального сознания и появления индивидуальных смыслов.

В моей практике анализа я нередко замечаю такой вот перевертыш: когда на протяжении достаточно длительного времени была наконец-то установлена безопасная аналитическая рамка с постоянной регулярностью сессий, оплатой, и когда в терапевтических отношениях ощущается большая близость и доверие, благодаря которым и становится возможным углубление в осознании комплексов и состояний, пациент нередко испытывает тревогу, обнаруживая, что из его жизни уходит «борьба» и напряжение, которые были характерны для героического комплекса. Он с удивлением обнаруживает, что не готов жить за пределами «воронки войны», ведь его жизнь с обычной повседневностью, спокойствием словно бы тогда теряет смысл: она не так героически красива, напряженна, драматична. Поскольку ранее в опыте «тяжелое» и «напряженное» было «ценностью». А «эрос», «близость», «удовольствие» героическим эго были обесценены, воспринимались как «слабость» и «малодушее». Я намеренно беру качественные определения и состояния в кавычки, поскольку для героического комплекса советской, да и постсоветской культуры характерен этот перевертыш в сознании, когда «ненормальное», инфантильное, не способствующее развитию состояние, бытование считалось «нормой» жизни и объявлялось ценностью.

Юнг, характеризуя людей с комплексом *Puer aeternus*, говорит о них, как о людях неглубоких, готовых решать свои проблемы за короткий срок, быстрыми темпами и легко [11]. Им свойственна маниакальная сверхактивность, приводящая к утомленному стилю жизни. Замедление ритма и паузы, являющиеся естественной частью жизни, благодаря которым можно прожить иное состояние углубления, размышления, фантазирования, воображения не доступны при идентификации эго с архетипом Героя. Здесь можно привести в пример известные песни и лозунги советской действительности: «Быстрее, выше, сильнее!», мотивирующие к преодолению природы человека, подчинению ее служению эго, но не глубинным потребностям и

устремлениям. Советский человек рождался, чтобы «сказку сделать былью, преодолеть пространство и простор», ему разум давал «стальные руки-крылья», у него был «вместо сердца – пламенный мотор»[2]. Устремленность выше, к идее, к духу способствовала потере телесной, земной реальности, и это расщепление духа и тела не могло быть преодолено; наоборот, действие и движение словно бы должны были заглушить тревогу остановки, паузы, в которой могли бы появиться личные смыслы.

В качестве клинической иллюстрации действия героического комплекса, расщепляющего тело и плоть, я могу привести следующее сновидение пациентки: она видела себя во сне останавливающей летящий на нее со всей скоростью грузовик и осталась живой. Во сне она не смогла ничего почувствовать, кроме ужаса, который вынуждал ее быстро действовать и спасать свою жизнь. Пациентка говорила, что даже не было времени подумать, как иначе можно было бы избежать опасности, не возникало мысли обратиться к кому-то за помощью, сойти с дороги. В другом сне пациентка видела себя ловко перебирающейся от преследователей по проводам электротока; одной рукой она держалась за провода, под мышкой другой руки она несла своего маленького ребенка. Чувство и реакции были те же: ужас от преследования, отсутствие времени, невозможность осмыслять причины происходящего, ситуацию, предпринимать осмысленные действия, чувствовать свое тело и мысли в единой связи. Это движение без смысла клинически обозначается как ажитированная депрессия, которая, естественно, является мощнейшей архетипической защитой от травмы и личной, и трансгенерационной. Моя пациентка, являясь носителем культурной раны, бессознательно восприняла этот героический, экстремальный способ выживания.

Размышляя о героическом комплексе человека советской и постсоветской эпохи, я думаю, что анализ подобной маниакальной защиты от потери смыслов жизни стал во многом доступен наблюдению и проработке лишь со сменой эпохи, в результате культурной раны, заставившей насильно принять выход из постсоветского пространства к капиталистическому строю, перейти к обществу к демократическим правам и свободам, требующим от личности обращения к персональному выбору и ответственности. Культурная травма потребовала резкой сепарации индивида от родительского комплекса, спроецированного на партию власти; принятие нового уклада жизни с социальными, политическими, финансовыми изменениями в быстрый промежуток времени. Я считаю, что все развитие нашей страны – социально-историческое, культурное, экономическое – формировалось в экстремальных условиях. Всем известны из курса школьной истории Отечества реформы Иоанна Грозного, Петра Первого, Екатерины Великой, и так далее, а далее самодержавной власти, сопровождавшиеся кризисами власти и веры, народными бунтами, восстаниями, революциями, гражданской войной, не оставляющие ни одного жителя нашей страны свободным от политики. Во Франции, к примеру, в народе говорят, что хорош тот правитель, чей народ не думает о политике, а живет, и политика не касается его. В России же «дубина народной войны» поднимается как предел терпения

авторитарной власти царя, при котором любое взросление, отделение жестоко подавляется, как посягательство на авторитет без возможности индивида видеть себя ценным. Этот экстрим, как характерная черта *Puer aeternus*, ведомого духом, перемещающегося с быстротой и легкостью в пространстве, по моему мнению, является весомым, безумным наследством культуры нашей страны. Экстрим есть часть ее героического комплекса, отличительными чертами которого является быстрота, натиск, воля, сила, терпение и житие на пределе человеческих возможностей, на «границе фолы». Важной для меня здесь является идея психоаналитика Ж. Швека, выжимку из которой хочется привести. Размышляя о самоуспокоительном поведении, он видит в экстремальных видах и формах жизнедеятельности примитивный способ справиться с базовой тревогой и депрессией, которая свойственна младенцу с нарушением первичной привязанности, отсутствием холдинга и качества материнской заботы (как бы сказал Д.В.Винникотт), обеспечивающего младенцу хорошую эмоциональную связь с матерью, позволяющей ему пережить и переварить чувства страха, ужаса, тревоги, а в дальнейшем принимать отсутствие матери, обнаруживая себя не одиноким, сохранным, ценным. Людей, проживающих героический комплекс, зачастую можно назвать, по меткому выражению Ж. Швека добровольными галерщиками» [5], которые получают отдых лишь от разрядки напряжения, но не от дела, совершенного с интересом и удовольствием. В героическом комплексе энергия эроса подменяется ценностью воли, когда что-то совершается бездумно, отчаянно, монотонно. Действие воспринимается не как целостный процесс, в котором участвует вся система организма в единстве тела, сознания и эмоционально-волевой сферы, но как отдельный акт, не являющийся процессом. Этот акт скорее становится достижением, исключаящим целостность, опирающимся только лишь на отдельные характеристики, качества эго, развитые больше всего, что в итоге, когда «дело сделано», не принесет удовлетворение, не напитает душу, и этот акт будет вынужден повторяться снова и снова до изнеможения, в попытках заполнить нарциссическую пустоту, что является отличительной чертой героического комплекса. Я думаю, что исключенность чувств, позволяющих Герою быстро добиться результата, превращается в героическом комплексе в экстремальное поведение, на грани выживания, как попытка быстро и максимально остро испытать всю гамму чувств, которых так недоставало детям героических матерей, и печальных, и пребывающих в депрессии одновременно, несущих ребенку скорее знание о смерти, чем о жизни. Экстрим – это как попытка пережить депрессию, не видеть пустого, холодящего душу взгляда матери, лишённого тепла, любви и удовольствия. По словам Ж. Швека проживая экстрим, герои словно самим себе становятся лучшими матерями, позволяя испытывать интенсивные эмоции. В советской действительности только отчаянный труд имел значение «и превращал обезьяну в человека». Он становился мерилем жизни и смерти, «чтобы выжить, нужно было пахать». Не «жить», не «работать», но «выживать» и «пахать». Возможно ли было иначе?

И здесь мне хочется говорить о важности символизации как необходимого условия для формирования зрелого эго, способного воспринимать содержания бессознательного, видеть архетипические предпосылки своего поведения, но также чувствовать и

воспринимать свою натуру, чувства и состояние, соединяющие человека с земной реальностью, вне героического комплекса, игнорирующего человеческие ограничения, время, место, возможности. К. Г. Юнг в работе «Психологические аспекты архетипа матери» говорит о том, что мать — это не только физическая, но также и психическая предпосылка ребенка. Ее забота способствует пробуждению Я-сознания, и тогда оно начинает вступать в противоречие с бессознательным — со своей собственной предпосылкой. Юнг пишет, что благодаря идентификации с матерью мы вступаем в область сизигии — объединения противоречий, где одно никогда не отделимо от другого, ему противоположного. По мнению Юнга, это та сфера переживаний, которая непосредственно ведет к опыту индивидуации, становлению Самости. [13] Символизация как следствие хорошей заботы матери помогает устранить крены в сознании, свести в едином образе противоположности, благодаря чему возможно следование по пути индивидуации.

В героическом комплексе советского и постсоветского человека понятия «материнская забота», «качество ухода», по моему ощущению, являлись скорее диссидентскими, чем общепризнанными, необходимыми, естественными. За примером далеко ходить не надо: моя мама после моего рождения спустя 6 месяцев вышла на работу, оставив меня на руках у моего дедушки, заменившего мне мать, но не сумевшего все-таки стать мамой, которая была мне тогда нужна. Моя мама мотивировала свой выход на работу тем обстоятельством, что «быть в декрете по уходу за ребенком стыдно, когда страна должна была выполнить досрочно пятилетку за три года». Индивидуальное становилось стыдным, личные потребности не могли даже осознаваться; тогда могли ли они учитываться вообще? Жизнь коллективная была выше индивидуальной и личного выбора. Многие мои ровесники росли в дефиците материнской любви и заботы, материнское молоко было заменено молочными кухнями, где молоко выдавали по часам, да, и мама могла осуществлять уход за ребенком «набегами», кормя его в свой обеденный перерыв (как в моем случае, поскольку место работы было рядом с домом). Я также знаю детей, которые были в саду на пятидневке, и мамой для них являлся детский сад в своем общем значении. Мама для советских детей была всем — и папой, и главой семьи, и передовиком производства. Я видела чаще свою маму на доске почета у нее на работе, это вызывало во мне гордость, но как не хватало близости с ней дома! Маму забирала работа, а дома после работы маму забирал быт. Я не думаю, что я одинока в своем опыте родительской заботы обо мне; я думаю, что в таком качестве материнского ухода и проявлялся героический комплекс матери, призванной быть не конкретной матерью своему ребенку, но Родиной-матерью всей стране, разделяя идею общественного служения обществу, жертвуя индивидуальным во имя коллективного, становясь абстрактным образом мамы, которая всех напоит, накормит, поднимет с колен тяжелым своим трудом (ведь в СССР беспризорных детей нет), и это было ценно. «Быть матерью» - вынашивать смыслы, перебирая зерна и отделяя их от плевел, отмечая смену дней и часов, времен года, наблюдать за состоянием в его текучести естественного времени, возвращать плоды семян и грезить о рождении, творя атмосферу, наполняя ее звуками, ароматами, прикосновениями — для героического комплекса это невозможно, это слишком долго и

мурно, это тихо, здесь нет фанфар и труб, это незаметно, здесь не как на передовой завода, окопа, производства, и это ведь никому не нужно, кроме героя. А личное – не главное:

«Усталость забыта, колышется чад,

И снова копыта, как сердце, стучат.

И нет нам покоя! Гори, но живи!

Погоня, погоня, погоня, погоня в горячей крови!» [3]

Сгореть в борьбе – вот главная мотивация и ценность советской личности, одержимой героическим комплексом (в примере выше именно подобная одержимость не позволяет пациенту сохранять стабильную аналитическую рамку, проживать эмоциональную близость, глубину отношений в анализе).

В завершении статьи мне хочется возвратиться к вопросу, вынесенному в ее название. И я хочу оставить этот вопрос открытым как возможность продолжения размышления на заданную тему, требующего нашего пристального внимания к качеству личности аналитика, ведущего практику работы с пациентами, приносящими в анализ безумие. Что есть безумие сейчас – это также открытый вопрос, не только клинический, но и философский, социальный, политический, который невозможно рассматривать без учета культурного контекста эпохи. Я соглашусь с Юнгом, что личность аналитика здесь является определяющим фактором для оценки прогноза аналитической работы с пациентом, поскольку возможность зреть в глубины безумия пациента зависит от глубины осознания собственной личности во всей полноте ее взаимодействия с социально-культурным, экономическим и политическим уровнями жизни и принятия своих собственных безумных частей души.

Литература

1. Горький, М. Песнь о Соколе. – М.: Азбука, 2014. – 384с.
2. Герман, П. Д. Марш авиаторов. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://dekabr.info/txt/tekst-pesni-marsh-aviatorov.html>
3. Гофф, И. Погоня. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.kino-teatr.ru/kino/movie/sov/4511/song>
4. фон Франц М.-Л. Вечный юноша. — М.: Класс, 2009. — 384 с.
5. Швек, Ж. Добровольные галерщики. Очерки о процессах самоуспокоения. – М.: Когито, 2016. – 230с.
6. Шварц-Салант, Натан. Печать того, кто видел хаос. Рецензия на «Красную книгу» К.Г. Юнга//Аналитическая психология: теория и практика. – 2021. – № 2. – с. 30—52.
7. Юнг, К.Г. Духовная проблема современного человека //Юнг, К.Г. Сознание и бессознательное: Сборник/Пер. с англ. – Спб.: Университетская книга, 1997. – 544с.
8. Юнг, К.Г. Красная книга. – М.: Касталия, 2012. – 396с.

9. Юнг, К.Г. Комментарии к Тайне Золотого цветка// Юнг, К.Г. О психологии восточных религий и философий. – М.: Медиум, 1994. – с.46-69.
10. Юнг, К.Г. Предвечный младенец в предвечные времена// Юнг, К.Г. Душа и миф. Шесть архетипов. – Мн.: Харвест, 2004. – 400с.
11. Юнг, К.Г. Происхождение героя// Юнг, К.Г. Символы трансформации. – М.: Академический проект, 2019. – 527с.
12. Юнг, К.Г. Психология архетипа младенца// Юнг, К.Г. Душа и миф. Шесть архетипов. – Мн.: Харвест, 2004. – 400с.
13. Юнг, К.Г. Психологические аспекты архетипа матери// Юнг, К.Г. Структура психики и архетипы. – Москва: Академический проект, 2007. – 303с.